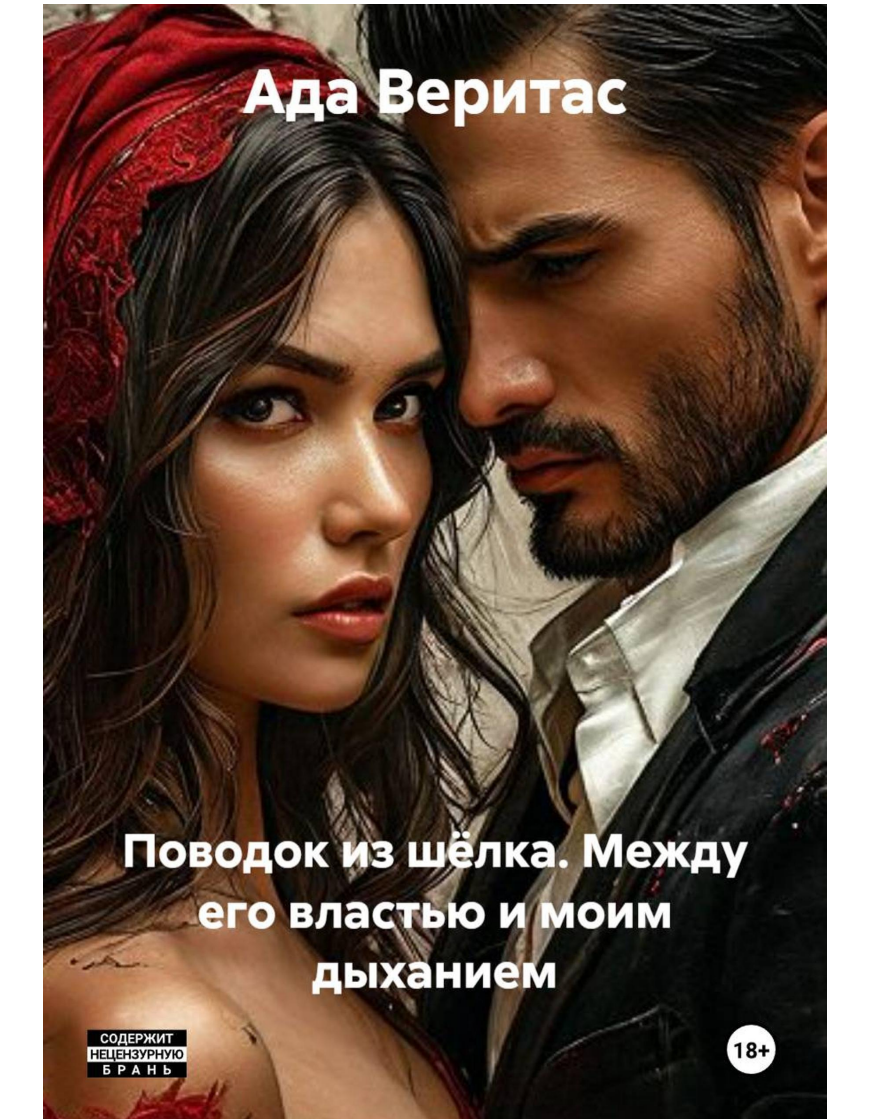

Ада Веритас

Поводок из шёлка. Между
его властью и моим
дыханием

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ада Веритас

Поводок из шёлка. Между его властью и моим дыханием

<https://litres.ru/74351118>

SelfPub; 2026

Аннотация

ПОВОДОК ИЗ ШЁЛКА. Между его властью и моим дыханием.

Автор: Ада Веритас

Живой роман-исповедь женщины, которая на пепелище прошлого встретила Матвея [1.1]. Роковое слияние чисел 6 и 9, кавказская кровь и пугающая тишина Девы [1.1]. Их встречи — дофаминовый рай, жесткий секс на грани покорности и доминирования [1.1]. Шёлк её кожи сталкивается с холодным бетоном его характера [1.1]. Но за его наказаниями молчанием скрывается глубоко раненый мужчина [1.1]. Она, мусульманка по крови и психолог по призванию, добровольно соглашается на этот поводок из шёлка [1.1]. Она учится дышать в тактах его контроля и верит, что сквозь глухую броню еще прозвучат искренние слова [1.1]. Чем закончится игра? Автор сама не знает ответа, ведь роман пишется прямо сейчас [1.1]. Это история о том, как остаться Королевой, даже когда стоишь перед ним на коленях [1.1].

Возрастное ограничение: 18+ (содержит откровенные сцены, элементы BDSM и нецензурную лексику).

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ада Веритас Поводок из шёлка. Между его властью и моим дыханием

Пролог

«Дорогие мои девочки... Эта книга посвящается каждой из вас. Каждой, кто прямо сейчас сидит у телефона в ожидании заветного сообщения, кто винит себя во всех грехах и задыхается от ледяного игнора нарцисса. Я написала эту исповедь, чтобы вернуть вам вашу жизнь. Вы не виноваты. Вы не одни».

Пролог. Поводок из шёлка

Этот роман — не вымышленная проза и не сухой психологический учебник. Это моя обнаженная, бьющаяся в реальном времени автобиография-исповедь. История о том, как сильная женщина с железным стержнем может полностью раствориться в запретной, наркотической страсти к сложному и раненому мужчине [1.1]. Я пишу эти строки здесь и сейчас, и я сама до конца не знаю, чем закончится наш сюжет [1.1].

В хитросплетениях судьбы нет случайностей. Мой личный код уязвимости был заложен еще в колыбели, когда меня называли в честь умершей сестры моего отца. Я росла точной копией папы, и он любил меня безусловно. Но дома правил совсем другой закон — холодный и требовательный. Моя мама родилась 28 августа — стопроцентная, авторитарная Дева. Из-за её скупости на эмоции я с детства привыкла заслуживать любовь идеальными результатами, пряча свою природную эмоциональность. А злые школьные обиды и травля из-за моей рано сформировавшейся женской фигуры с большой грудью лишь глубже забили во мне синдром «некрасивой девочки», которая боится остаться одна.

Моя мусульманская кровь с первыми каплями материнского молока воспитала во мне священное уважение к мужчине и покорность его воле. И эта же покорность породила мою тайную, скрытую от мира интимную особенность — мне безумно нравился грубый секс, доминирование и сладкое чувство подчинения [1.1].

И надо же было такому случиться, что, пройдя через предательства, суды и тяжелую болезнь, я встречу Матвея. Мужчину, родившегося 9 сентября. Тоже Деву по гороскопу, чья мать — ровно такое же кармическое совпадение — была строгой учительницей, как и моя [1.1]. Наш союз чисел 6 и 9 стал роковым зеркальным замком. Матвей — глубоко одинокий, недолюбленный мужчина с бешеным эго, который панически боится стать уязвимым и влюбиться, а потому пря-

чет свои чувства за ледяной тишиной и жестким контролем [1.1].

Да, он бывает неправ, он ранит меня своим игнором, блокировками и ультиматумами [1.1]. Но в нём нет абсолютно-го зла. Он любим мной, и в нашем дофаминовом раю, между его железобетонной властью и моим покорным, шелковым дыханием, всё еще живет надежда [1.1]. Эта книга — живой хронограф наших отнoлшений. Я добровольно надела этот поводок из шёлка, и пока я еще слышу его голос сквозь глухую стену молчания, я верю, что у нас есть шанс стать счастливыми [1.1].

Глава 1

ЧАСТЬ 1. ЛОВУШКА И ДРЕССИРОВКА

Глава 1. Спаситель из салона (Сентябрь 2024)

В июле 2024 года я была идеальной мишенью для хищника. В груди будто рассыпались осколки, и каждый вдох царапал старые раны. Прошло полгода с того дня, когда не стало папы, а боль не становилась тише — она будто училась дышать вместе со мной.

Десять лет жизни были отданы человеку, на которого работала, которого любила и ради которого рисковала буквально всем. Это был опасный, жёсткий бизнес. Зарабатывала для него миллионы, балансируя на грани фола, рискуя собственной свободой. И когда грянул гром — начались суды, уголовное преследование, — стояла за него до конца. Его осудили на условный срок. А как только тучи рассеялись, он просто выкинул меня за ненадобностью. Стала «неудобным» свидетелем его прошлого. Он перестал писать и звонить, трусливо слился, уехав жить в район. Десять лет верности закончились предательством. Осталась на пепелище своего разрушенного «я». Мою самооценку не просто занижали — её планомерно и жестоко втоптывали в грязь.

Психика после судов и предательства была похожа на человека после тяжелой аварии. Сверху наложился тяжёлый инсульт — болезнь, из-за которой пришлось уйти с лю-

бимой работы в университете, где обожали студенты и уважали коллеги. В один миг потеряла здоровье, статус и опору.

А ещё внутри жил другой, тяжёлый пласт — вера и воспитание. Детство прошло с мыслью, что уважение к мужчине — не выбор, а закон, который нельзя нарушать. Строгая мама внушила: «Секс без брака невозможен. Раз семьи нет — ты старая, успокойся». На мне фактически поставили крест.

И эта же покорность породила глубокую, тщательно скрываемую от чужих глаз особенность. Как психолог понимала этот феномен: женщина, которая в реальной жизни тащит на себе колоссальную ответственность, защищает кандидатские, рулит бизнесом и рискует сесть в тюрьму, в постели отчаянно хочет снять эти тяжёлые доспехи. Ей хочется, чтобы её подчинили. Чтобы пришёл тот, кто сильнее, и забрал весь контроль себе. Искала безопасную гавань, где скрытая страсть к подчинению станет источником чистого наслаждения. Но открыла эту тайную дверь перед человеком, который превратил удовольствие в орудие пытки.

Психика жаждала компенсации. Хотелось просто перестать чувствовать эту пустоту, хоть на минуту. И этот «наркотик» явился в лице Матвея.

Он появился внезапно. Ему был 41 год. Красавец, жгучая смесь кавказской и славянской крови, 185 сантиметров безупречного мускулистого тела с лёгкой, благородной сединой. Рядом с ним мои 150 сантиметров казались совсем хрупкими и незащитными. Его аромат Givenchy Pour Homme оку-

тал с первых секунд, пробуждая в измученном теле давно забытые, голодные ощущения. Это была первая искра, первая точка невозврата. Пока говорили, буквально тонула в его феромонах.

Уединились в комнате. Полтора часа разговора перевернули мир. Обычно закрытый и осторожный человек, взхлёб изливала душу — рассказывала о папе, о пережитом кошмаре, о судах и предательстве. А он слушал. Молча, внимательно, изредка бросая короткие комментарии, от которых по коже бежали мурашки. Когда приходилось прерываться на клиентов, он терпеливо ждал. Сидел в кресле, словно хищник, готовый к прыжку. И я, ослеплённая вспыхнувшей надеждой, отчаянно не замечала этой хищной природы.

— Буду называть тебя Адабечка, — вдруг негромко, с бархатной хрипотцой в голосе сказал он, глядя прямо в глаза.

— Почему? — удивилась, чувствуя, как сердце начинает бешено колотиться в груди.

— Я так хочу, — отрезал он с улыбкой, в которой сквозила абсолютная уверенность хозяина.

И от этого его «я так хочу» подкосились ноги.

Его руки крепко сжали запястья, намертво прижимая к холодной стене. В глазах — ни тени сомнения, только первобытная страсть и абсолютная власть. Мир сузился до точки. Прикосновения были уверенными, почти жестокими, но

в этом триумфе силы была своя извращённая эстетика. Каждое движение — словно электрический разряд, прошивающий тело навывлет.

«Матвей, что ты делаешь? Нет, нельзя...» — пыталась протестовать для приличия, но его грубоватое «Закрой рот» возбуждало до дрожи. Вера, воспитание, требующее покорности, и скрытая страсть вспыхнули в этот момент единым пожаром. Сдалась ему без остатка. Каждое его движение стирало границы между болью и удовольствием, между «нельзя» и «я хочу». В этот момент не думала ни о правилах, ни о себе — просто пыталась удержаться на краю бездны, который сама же и разрушила.

Той ночью не сомкнула глаз. А утром пришло короткое сообщение: «Мне тебя было мало». Ждала этих слов словно манну небесную, прыгала от радости как девчонка. И пропала...

Позже пыталась найти хоть какую-то опору в привычных схемах, будто тайные коды чисел могли защитить от того, что уже началось. Мой личный цифровой код нес в себе чистую энергию Венеры: любовь, обнаженные эмоции, тотальную отдачу себя партнеру. Люди с таким кодом невероятно уязвимы, если их не любят в ответ. Его же числовой знак подчинялся Марсу: это архетип воина, жесткого контроля и ментального доминирования. Наш союз с самого начала выглядел как фатальное совпадение, классический кармический замок. Ловушка захлопнулась: один партнер отдает всю

свою безусловную любовь, а другой — безжалостно поглощает эту подпитку, подчиняет себе и перемалывает человека под собственные стандарты. Владелец марсианской силы всегда будет пытаться ментально уничтожить венерианскую мягкость, если вовремя не выставить жесткие границы. Повторяла эти формулы как защитное заклинание, будто они могли спасти. Но в глубине души уже знала: границы не помогут. Сама хотела, чтобы их сломали.

А потом этот Дева-перфекционист начал затягивать петлю. Он предложил совместный бизнес на субаренде квартир. — Мне бы твою энергию, Адабечка. Не хочешь ли заняться бизнесом? — как-то между делом спросил он.

— Послушай, я только из этого ада вылезла, — сжалось всё внутри от воспоминаний о судах. — Меня чуть в тюрьму не посадили!

— Надо всё делать по уму, по закону, — уверенно успокоил он, обнимая. — Твои мозги — мои деньги.

Согласилась. Но не ради денег. Согласилась только ради одного — быть рядом с ним. Это был крючок. Изучила рынок, нашла шикарные квартиры, а он хвалил: «Умница!» Но эту «умницу» нужно было постоянно заслуживать, как собаке — кусочек сахара: «Ещё не доделала. Пока не умница». И снова бежала, чтобы доказать, что всё могу.

Когда математически доказала ему, что в мёртвый сезон

этот бизнес принесёт убытки, он похвалил и закрыл тему. Но его жажда контроля требовала новой пищи. И тогда он выкатил шокирующее условие: секс втроём.

— Ищи девушку, — отрезал он.

— Я не хочу этого, Матвей! — казалось, что ударили наотмашь.

В ответ он включил то, что умел лучше всего, — ледяное моральное уничтожение. Наказывал игнором неделями, лишал свиданий: «Не ищешь — не будет встреч». Добивал, пока я, плача от страха потерять его, не согласилась и не начала искать. Моля только об одном: чтобы третья не была моложе и красивее. На любые вопросы о его жизни он холодно бросал: «Какая тебе разница? Тебя это не касается». При первой же попытке проявить о нём заботу, когда у него заболела спина, натолкнулась на глухую стену.

Как психолог сразу видела его детские травмы. В 17 лет он водрузил на себя огромный груз — пошёл работать, тащил на себе семью. Никаких подарков судьбы, жёсткий дефицит тепла. Он сам говорил: «Я не люблю подарки, не надо мне ничего дарить, и сам не дарю». Но самое потрясающее кармическое совпадение — его мать тоже была строгой учительницей — точь-в-точь как моя авторитарная мать! Мы оба выросли у матерей, которые не умели любить просто так, а только за «идеальные результаты». Матвей вырос глубоко одиноким, эмоционально закрытым человеком, который па-

нически боялся уязвимости. Любое проявление тепла к себе он воспринимал как угрозу своему контролю. Его невозможно исправить в 41 год. Тут либо становиться для него вечной жертвой, либо рубить с корнем. Но тогда этого не понимала. Тогда видела в его холоде не пустоту, а силу.

Кульминация наступила в его день рождения. Уже недели три не виделись из-за его внезапного холода. Напряжение зашкаливало. В переписке он начал язвить, бросая свои коронные оскорбительные словечки, которые сам считал «невинными подколами». Моя гордость не выдержала.

— Ты что, дурак, что ли? Чего ты ведёшь себя как девочка? — написала в ответ.

И тут его прорвало. Матвей орал так, как никогда в жизни. Столько грязи не слышала о себе никогда.

— Вообще замечательный день рождения! — орал он. — Всё, пошла нахер! Я лучше тебя выкину, вычеркну из жизни и забуду!

Он заблокировал меня везде. И начался ад. Три дня натурально умирала, выла от боли, катаясь по полу. Мозг, подсаженный на этот безумный секс и дофаминовые качели, просто отключился. Караулила телефон, записывала ему умоляющие голосовые, унижалась. А он сквозь зубы писал: «Ты неадекватная. Всё кончено». На меня никто в жизни голос не повышал, а тут за одно слово «дурак» втоптали в грязь и лишили «наркотика».

Через три дня он милостиво снизошёл до смс: «Ладно, так

и быть. Наверное, это от того, что мы давно не виделись».

Испытала дикое, сумасшедшее облегчение. Бежала к нему, уверенная, что это он меня «великодушно простил», и что это я была кругом виновата. Добровольно вернулась в его клетку на цыпочках, не понимая, что это был лишь первый показательный круг ада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.